

АМАНДА
ПИТЕРС

Сборщики ягод

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(71)
ББК 84(7Кан)-44
ПЗ5

Amanda Peters
THE BERRY PICKERS
Copyright © 2023 by Amanda Peters
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения
Transatlantic Literary Agency Inc. и *The Van Lear Agency LLC*

Перевод с английского Александра Александрова
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Питерс А.

ПЗ5 Сборщики ягод : роман / Аманда Питерс ; пер. с англ. А. Александрова. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с. — (Акценты).

ISBN 978-5-389-28403-6

1960-е. В летний сезон на черничные поля штата Мэн приезжают сотни семей индейцев, чтобы заработать на сборе ягод. Шестилетнему Джо, который трудится наравне со всеми, поручено приглядывать за младшей сестренкой Рути. Однажды мальчик ненадолго оставляет девочку сидеть на их любимом камне, и... Рути бесследно исчезает. С этой минуты всю жизнь Джо будет винить себя в похищении сестры и бежать от этой вины.

А неподалеку от ягодных полей, в пригороде Бостона, растет девочка по имени Норма. Она единственный и долгожданный ребенок в состоятельной семье — раньше младенцы рождались мертвыми. Норма умна не по летам и любит своих родителей, но ее смущают странные яркие сны о голубых полях; пропавшие детские фотографии... Родители что-то от нее скрывают, и ей потребуются десятилетия, чтобы разгадать эту тайну.

УДК 821.111(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-389-28403-6

© А. В. Александров, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ПРОЛОГ

Я сижу спиной к стене, опираясь на расплющившиеся подушки. Мэй взбила их, сделала пышными, но с тех пор прошло несколько часов. В моих руках фотография Леи: на ней она совсем маленькая — тогда я еще не знал о ее существовании. Солнечный свет за окном начинает меркнуть, а я размышляю о том, что именно женщины вылепили, сформировали меня, хотя бóльшую часть жизни я и прожил вдали от них.

Из-за боли в ногах я не могу посидеть у костра рядом с пнем, который давно стал моим другом. Я устал от этой кровати, от лекарств, от приходящего с болезнью одиночества и осознаю, что дорогие мне люди никогда не поймут моего уединения, как бы ни старались. Умирать мне придется одному. Лея, взрослая уже женщина, навещает меня пару раз в неделю. Моя сестра Мэй и старший брат Бен заботятся обо мне, хотя я этого ничем не заслужил. Мама молится обо мне.

— Джо? — Мэй чуть приоткрывает дверь и просовывает голову в проем.

— Я не сплю.

Дверь открывается полностью, и Мэй входит в комнату. Ее глаза радостно блестят — давненько я такого не видел.

— У тебя радостный вид, Мэй.

— Это потому, что я рада.

Я пытаюсь сесть прямее. Мне хочется показать, что я в полном сознании и рад ее радости.

— Джо, к нам кое-кто приехал. И, думаю, нам есть что сказать друг другу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Джо

В тот день, когда Рути пропала, мошка, казалось, свирепствовала сильнее обычного. Белые в магазине, куда мы ходили за продуктами, говорили, что индейцы так хорошо собирают ягоды, потому что у них дурная кровь и мошка ее не любит. Даже тогда, в шесть лет, я знал, что это неправда. Мошка не дискриминирует. Однако теперь, почти ровно пятьдесят лет спустя, лежа здесь, пожираемый изнутри невидимым недугом, я уже не знаю, чему верить. Может, у нас и правда дурная кровь.

Мошка кусала нас, как и белых. Однако мама знала, как унять зуд вечером, чтобы мы могли заснуть: сдирала кору с веток ольхи, разжевывала в кашицу и прикладывала к волдырям.

— Тихо, Джо, не егози, — приговаривала она, намазывая меня густой жижей. Ольха росла вдоль всей узкой полоски леса, обрамляющей дальний край полей, а поля тянулись бесконечно, во всяком случае, так казалось мне тогда. Мистер Эллис, владелец земли, разметил участки большими камнями, чтобы было удобнее вести учет проделанной работы и видеть, куда идти дальше. Но рано или поздно мы всегда упирались в лес. А если не в лес, то в полузаброшенную дорогу 9, Девятку, усеянную глу-

бокими, как озера, рытвинами величиной с арбуз, — эта темная лента асфальта вилась через поля, приводя нас туда из года в год.

Даже тогда, в 1962 году, вдоль Девятки осталось совсем немного домов, а те, что еще стояли, были уже старыми, с осыпающейся серой и белой краской, покосившимися гниющими крылечками, высокой жухлой травой, проросшей между брошенными автомобилями и холодильниками, от которых при сильном ветре отлетали хлопья ржавчины. Когда мы приезжали из Новой Шотландии в середине лета — караван меднокожих рабочих, с песнями и смехом вторгающийся в этот полузаброшенный ржавый мир, — местные поворачивались к нам спиной, словно наше присутствие подчеркивало их неспособность преуспеть в жизни. Лишь осенью, когда поля сияли в золотых лучах заката под звонким сентябрьским небом, в тех местах можно было увидеть хоть какой-то проблеск радости.

Посреди всей этой ржавчины и запустения высился дом мистера Эллиса. Он стоял на углу, где от Девятки отходила грунтовая дорога, которая вела на другой берег озера, куда не ходили индейцы, — по воскресеньям там купались и устраивали пикники белые, и их кожа обгорала до волдырей под слабым солнцем штата Мэн. Спустя годы, еще до того, как снова уехал, я вспоминал тот дом будто картинку из книги или журнала, на которую смотришь, пока ждешь автобуса или сидишь в приемной врача. Над въездом нависали высокие клены, а длинный прямой ряд сосен отделял дом от лагеря рабочих — чтобы не подсматривали, — хотя мы, конечно, пытались.

— Бен, зачем им вообще дом, если в нем сплошь окна? — спросил я брата.

— Людям нужна крыша над головой. Здесь зимой тоже холодно, как и у нас.

— Но столько окон! — недоумевал я.

— Окна дорого стоят. Они хотят, чтобы все видели, что они богатые.

Я кивнул в знак согласия, хотя и не очень понял.

Мне, выросшему в маленьком домишке с тесными комнатами и протекающей крышей, этот белоснежный красавец с красной отделкой и двумя колоннами по бокам от парадной двери, который перекрашивали каждые два года, казался роскошным особняком. Вернувшись много лет спустя, когда мистер Эллис уже давно умер от сердечного приступа, и взглянув новыми глазами, я увидел, что это обычный двухэтажный дом с эркером.

В то лето, когда пропала Рути, мы приехали в середине июля, когда поля устилал сплошной ковер из зеленых листьев и мелкой лесной ягоды. Мы все еще были в радостном настроении с дороги и не вспоминали о долгих днях тяжелой работы в прошлые годы. Папа высадил нас, выгрузил продукты, которых должно было хватить на восемь-двенадцать недель, и в тот же день уехал. Шлейф пыли, казалось, тянулся за ним до самой границы. Он поехал в Нью-Брансуик за другими работавшими каждое лето сборщиками. Им он доверял. Старик Джеральд с женой Джулией, близнецы Хэнк и Бернард, которые всегда усердно трудились и держались особняком, вдова Агнус и шестеро ее детей, все крупные и сильные, а еще Фрэнки, пьяница. Смешной человечек, боявшийся медведей и темноты, и так себе работник.

Папа всегда говорил:

— Как говорит ваша мама, даже таким, как Фрэнки, нужны деньги и занятие в жизни, хотя бы на восемь недель.

— Я собираю больше него, папа, — сказал я, кивнув на Фрэнки, который рассеянно закинул в рот ягоду, — а он съедает половину того, что собирает.

— Есть люди, Джо, которым дают послабление. Сам знаешь, ребенком он чуть не утонул, а потом и вырос немного не таким, как все. Фрэнки ни в чем не виноват. Должно быть, у Бога на него другие планы, и мы принимаем его таким, какой он есть. Ему нужно каждое лето работать, как и нам. Он любит приезжать сюда, чтобы посидеть у костра и заработать немного карманных денег. Фрэнки ждет этого весь год.

— Да, но, папа... — начал я, недовольный тем, что Фрэнки давали за работу деньги, а я, хоть и собирал больше, получал лишь новую одежду к школе в сентябре.

— Никаких «но». Иди работай дальше и не обижай Фрэнки. Еще неизвестно, может, и тебе самому когда-то понадобится одолжение.

Пока папа на своем пикапе ездил за остальными, мы, под требовательным и ничего не упускающим взглядом мамы, убрали во времянке и разбили лагерь.

— Эй, мальчики, повыдергивайте-ка траву, которая выросла сквозь крыльцо. Пусть будет немного поаккуратнее.

Мы порезали себе руки, выдергивая рискнувшую вырасти, пока нас не было, траву. Потом набрали валежника для костров: один разжигали для стряпни, и он горел практически постоянно, а другой — для мытья посуды и, по выходным, стирки. Моя сестра Мэй и другие девоч-

ки убирала во времянке, а остальные пошли в дом к хозяину, где каждое лето помогали его жене делать генеральную уборку. Им давали за это немного денег, на которые на сельской ярмарке они покупали заколки, паленый виски и попкорн.

От нашей времянки озеро не просматривалось, но от края лагеря, где стояла палатка стариков Джеральда и Джулии, его уже было видно. Нам еще повезло с этой времянкой, где были крыша, дверь и несколько старых матрасов. Места внутри хватало далеко не всем. Остальные, в том числе два моих старших брата, Бен и Чарли, ночевали в палатке, на твердой земле, подсунув под головы куртки вместо подушек.

Когда съезжались все — семьи из разных уголков Новой Шотландии и еще несколько из Нью-Брансуика, начинался шум и гам. Мальчишки не встречались с прошлого ягодного сезона и спешили громогласно обмениваться новостями. Тем летом я был еще слишком мал, старшие не принимали меня в компанию, и я почти не отходил от Рути, которая чужих мальчишек побаивалась. Днем, пока они сосредоточенно работали, она узнавала их и относилась так же, как и к нам. Но вечером, когда начинались пение у костра, заигрывания с девчонками и шутливые потасовки, Рути уходила во времянку и ложилась спать у дальней стены в обнимку со сделанной из старых носков куклой. Мама ложилась рядом, защищая ее от голосистых мальчишек, которых Рути успела забыть за зиму.

В то лето, когда мы уехали из дома и отправились на юг на старом пикапе, нас было семеро: мама, папа, Бен, Мэй, Чарли, Рути и я. Бен и Мэй тогда жили в индейской школе-интернате, и каждое лето мама очень ждала их домой,

хотя и старалась этого не показывать. Когда же они наконец приезжали, то едва успевали выбраться из машины, как мама набрасывалась на них, по очереди брала их лица в ладони и застывала, всматриваясь, будто они из золота сделаны или вроде того. Она целовала их в лоб, снова и снова повторяя их имена, словно молитву. Папа хлопал Бена по спине, обнимал Мэй, а потом мы садились в пикап и направлялись к границе. Индейский агент разрешал нам видеться с братом и сестрой только дважды в год: на Рождество и в сезон сбора ягод. «Тяжелая работа укрепит их характер, поможет им стать полезными членами общества», — как-то раз зачитал Бен из письма, сложенного нами из кусочков после того, как папа его порвал. Папа не любил мистера Хьюза, жирного индейского агента с багровыми дырочками пор на носу, и после того письма Бен и Мэй уже не вернулись в интернат. Им разрешили остаться дома и ходить в ту же школу, в которую ходили мы с Чарли.

Теперь Бен спит на узкой кровати рядом со мной. Ночами он обычно бодрствует, опасаясь, что я испущу последний вздох в его дежурство. Когда его нет, там лежит Мэй, храпя и ворча во сне. Теперь остались только мама, Мэй, Бен и я. Если мир духов действительно существует, я буду рад увидеться с теми, кого потерял. Хорошо будет обнять их, сказать, что люблю, и попросить прощения. Мне есть перед кем извиняться в обоих мирах. Если же рая не существует, то, думаю, я никогда об этом не узнаю, так что не стоит и беспокоиться. Я бы сказал маме, что сомневаюсь насчет рая, но она верит, что все дорогие ей умершие сидят одесную Отца Небесного.

Однажды ясным вечером в середине августа мы все сидели у костра. Папа только что убрал скрипку, все уже устали петь и танцевать. Мы с Руты расстелили одеяло и легли, закинув руки за голову, и смотрели, как светлячки соревнуются в яркости со звездами. Дети постарше, кому повезло, отправились жечь костер на гору Аллен. Мэй рассказывала, что мальчики и девочки там танцуют и целуются, уверяя, что сама всегда ведет себя прилично и никогда ни в чем таком не участвовала. Но мы с Руты не верили. Мэй не упускала ни одной вечеринки и ни одной возможности что-нибудь учудить. Но у нашего костра разговор тогда пошел о другом.

— Говорят, это хорошо, помогает детям пристроиться, найти работу. — Руки старухи напоминали узловатые ветки, но она ловко плела корзину из длинных полос ясеневое лыка, даже не глядя на свою работу. — А я говорю, брехня это. Никто не имеет права похищать наших детей, тем более белые. Видите же, как они своих растят — те только ноют и жалуются. У самих нет радости, так и нашу хотят отнять.

— Не поймите неправильно, я рада, что Бен и Мэй снова дома, но все же, надо отдать должное, их там учат Библию читать, — сказала мама, подаваясь к огню, чтобы лучше видеть носки, которые штопала. — Даже не уверена, правильно ли было забирать Бена и Мэй из школы, но Льюису-то всегда все ясно как день.

Мама полюбила церковь не по своей воле. Замысловатые обряды заменили ей те, что вырвали из ее сердца в детстве, о котором она редко вспоминала.

Руты встала, шепнула мне на ухо, что ей нужно в туалет, и ушла, оставив теплую выемку на одеяле, которое мы

с ней делили. На одеяло она так и не вернулась. Вскоре мама хватилась ее и обнаружила во времянке, где та спала, свернувшись калачиком.

А на следующий день Рути пропала.

Папа ходил взад-вперед по рядам, проверяя, как мы работаем, указывая пальцем на пропущенные кусты и халтуру. В конце каждого дня он записывал, сколько ящиков собрал каждый сборщик. Некоторые, поленивее, пытались напихать на дно ящиков листья и стебли, чтобы те выглядели полнее, но папа никогда на такое не велся, сколько они ни пытались. Сборщикам платили по ящикам. Мистер Эллис прохаживался вдоль длинных веревок, натянутых между рядами, когда с другой стороны к папе подошла Рути с маленьким ведерком воды. Ее тонкие ручки дрожали от натуги, когда она поднимала это синее пластиковое ведерко с белой ручкой, вроде тех, с помощью которых мы строили песочные замки по воскресеньям.

— *Вельялинтус*, — поблагодарил Рути папа, отпив воды.

— А она у тебя тихая, Льюис. — Мистер Эллис положил потную ладонь на ее макушку и погладил, цокая толстым языком, будто Рути была малахольная или вроде того. Она стояла смиренно, глядя на его пузо, свисающее поверх ремня на замызганные джинсы. — И кожа у нее светлее, чем у других, Льюис. Может, так оно и лучше для нее, только, думаю, зря ты ее учишь этой тарабарщине.

Папа сделал еще глоток и отдал Рути ведерко, а потом положил руку ей на спину и подтолкнул к нам с Беном, подальше от мистера Эллиса. Рути пошла к нам, расплескивая воду. Бен потянулся к ведерку, но я схватил его первым, вылил остатки воды себе на голову и тут же закашлялся, нечаянно глотнув и поперхнувшись. Рути при-

села и погладила мне спину — она тысячу раз видела, как это делает мама.

Где-то около полудня папа на своем синем пикапе медленно проехал по полям, собирая проголодавшихся работников на обед. На центральном поле у лагеря мама раздавала всем бутерброды с вареной колбасой. Сухой хлеб всегда прилипал мне к небу. Иногда у нас были кетчуп или горчица, но обычно только хлеб и колбаса. Когда мама отвернулась, я быстро вытащил колбасу, а хлеб бросил вороном. Мама бы схватила хороший прут, если бы заметила, — она не терпела, когда выбрасывали еду, ведь только в семье было семь ртов, да еще и лагерь.

В тот день мы с Рути усадились на краю поля на наш камень. Мы любили сидеть там, пока мальчишки постарше, пользуясь минутами свободы, бегали к озеру, чтобы по-быстрому искупаться или поцеловаться с кем-нибудь из девчонок. Мэй уже занималась ужином — обычно по вечерам на костре готовили картошку с мясом, а поскольку мы кормили весь лагерь, то чистить картошку приходилось долго. Мэй вечно жаловалась и иногда даже убегала — ловила попутку до Бангора, не задумываясь ни о том, что будет волноваться папа, ни о том, что разъярится мама. Возвращалась она затемно и потихоньку подсовывала нам с Рути конфеты. Мы и не думали спрашивать, откуда у нее лакомство, — нам было все равно. Конфеты с будоражащим кисло-сладким вкусом липли к зубам. Потом мама кричала, а Мэй молча сидела и слушала. После этого она вела себя безупречно и помогала маме пару недель, и так до следующего побега. В те годы Мэй была непредсказуемой.

Никто больше так и не видел Рути в тот день, после того как я бросил хлеб воронам и поднес палец к губам.

— Рути, только маме не говори.

— Ни за что не скажу, Джо.

Она говорила тихо, и я помню выражение ее лица — молчаливая задумчивость. Странно, как ясно все помнится, когда происходит что-то плохое. Мелочи, которые в обычный день ни за что не запомнишь, навсегда врезаются в память. Я помню, что на Рути было летнее платье, которое она донашивала за девочками постарше, — истончившееся, заплатаанное, свободно болтавшееся на ее хрупкой фигурке. На выцветшей синей материи пестрели красные и зеленые лоскуты, и даже кусочек коричневого вельвета от моих прошлогодних рабочих штанов — прямо у нее под мышкой. И лицо ее я помню, вылитая наша мама — удивительное сходство, его все замечали, — когда Рути отвернулась и стала смотреть на ворону, которая прилетела и схватила брошенный мной кусок хлеба.

Я побежал на озеро пускать блинчики, как обычно делал, доев бутерброд, прежде чем вернуться на свой ряд. Мне и в голову не приходило, что Рути может куда-то уйти. Поев, она всегда просто сидела, смотрела на птиц и ждала, когда за ней придет мама или Мэй. Когда мимо проехал папа с полным кузовом возвращающихся на поле сборщиков, он даже не обратил внимания на ее отсутствие. И только после того как Рути не вернулась помогать Мэй и мама пошла за ней к камню, зародились первые опасения. Мама стала звать девочку, решив, что Рути просто отлынивает от работы, хотя на нее это было совсем непохоже.

— Рути! Рути! Выйди, чтобы я тебя видела.

Мама шла вдоль опушки леса, когда подъехал папа, уже высадивший пассажиров. Он замедлил ход и поехал рядом с мамой, подсакивая на ухабах грунтовой дороги.

— Что такое?

— Рути куда-то ушла. Найду — шкуру спущу за то, что заставила меня волноваться.

Папа улыбнулся и, протянув руку, поднял стекло с пассажирской стороны, чтобы не летела пыль и мошка, предоставив маме искать Рути дальше.

Когда папа нарезал куски шпакета, чтобы отгородить следующее поле, мама вернулась в лагерь одна, без младшей дочери.

Мы удивились, снова увидев папин пикап, в клубах пыли приближавшийся по грунтовке. Папа затормозил и крикнул, чтобы все забиралось в кузов. Бен, Чарли и я глянули на солнце — заканчивать было еще рано, — а потом побросали все и вместе с остальными полезли в машину. Когда мы вернулись в лагерь, мама сидела на пластиковом стуле, уронив голову в ладони, а вокруг суетилась Мэй.

— Слушайте все. Рути, кажется, заблудилась, — объявил папа. Все разом повернули голову к лесу и уходившей к озеру тропе, словно все наши взгляды могли проникнуть в чащу и найти ее. — Разбейтесь на пары и идите на поиски в лес.

Мэй пошла с Чарли, а я с Беном. Ветки царапали ноги и лицо и до самой смерти — которая уже так близка — не забуду я эти голоса, звавшие Рути. Мы прочесали лес, обошли озеро, на всякий случай осмотрев и воду у берега. Мы постоянно прислушивались, надеясь услышать радостные возгласы тех, кто наконец-то найдет ее, но так

их и не дождалась. Когда солнце зашло, а крики все продолжались, мне стало плохо — от макушки до самых пяток. Когда стемнело, зов стал отдаваться у меня в животе. Я присел на влажную землю между деревьями, чтобы отдышаться, и Бен тоже остановился.

— Ну давай, Джо, вставай. Некогда сейчас отдыхать. Рути, наверное, уже страшно. — Бен схватил меня за руку и потянул, чтобы поднять, но ноги у меня подкосились, и я тяжело рухнул обратно. — Джо, ну что ты как маленький. Пойдем.

Я заплакал, а потом вырвался у него из рук, и меня стошнило на мох.

— Господи Боже. Давай отнесу тебя обратно в лагерь. — Бен поднял меня и закинул за спину, словно я был не тяжелее пера. Я обнял его за шею и положил голову ему на плечо. — Только не блевани на меня, а то брошу тебя здесь, в лесу.

Я слабо кивнул, уткнувшись подбородком ему в ключицу.

Когда мы вернулись, мама так и сидела на пластиковом стуле, глядя в огонь. Приближалось время ужина, но еду никто даже не начинал готовить. Мэй сняла меня со спины Бена и положила на расстеленное на земле старое одеяло, так что голова оказалась у мамы под ногами. Она даже не обозвала меня слабаком, когда Бен рассказал о том, как желудок подвел меня в лесу.

— Да ты не переживай, Джо, Она, наверное, просто забрела далеко в лес. Кто-нибудь ее найдет. Ты только не волнуйся. — Мама наклонилась и провела сильными руками мне по волосам.

Наступило то время суток, когда солнце уступает место ночи и все начинает казаться призрачным. К костру подошел папа, и я немного сомневался, что он настоящий, пока не услышал его голос.

— Поеду в город за полицией. Чем больше людей, тем лучше, может, у них и фонари найдутся. Она ведь еще совсем маленькая.

Как будто возраст имел какое-то значение. Папа повернулся, забрался в грузовичок и уехал.

— Он все еще надеется, что им не все равно, — сказала мама, провожая взглядом задние фонари, тающие в сумеречной мгле.

Папа вернулся через час — за потрепанным грузовичком ехала одна-единственная полицейская машина с одним полицейским внутри. Полицейский, пониже папы ростом, но такой же худой, сидел в машине, казалось, целую вечность. Мы смотрели, как он там сидит и черкает что-то у себя в блокноте. Иногда он поднимал глаза и смотрел на нас, собравшихся вокруг костра. Он сидел далеко, и было слишком темно, чтобы разглядеть его, пока он не вышел. Папа указал на меня — я так и лежал у ног мамы. Полицейский подошел и присел на корточках рядом со мной.

— Ты не видел здесь днем ничего странного, парень? Я отрицательно покачал головой.

— А видел, как сестра ушла в лес? К озеру?

Я еще раз покачал головой.

Изо рта у него дурно пахло, будто лук смешали с капустой, а потом забыли где-то на солнце. Он встал и расправил брюки, а потом задал те же вопросы маме и Мэй.

Он разглядывал сидящих вокруг костра, едва слушая, что ему отвечают, и Мэй вспыхнула.

— Вы так и будете повторять одни и те же дурацкие вопросы или поможете нам ее найти? — спросила она.

Мама схватила Мэй за руку, чтобы та успокоилась. А полицейский даже не взглянул. Ясно помню, как свет костра делил его фигуру на темную и светлую половины, как у злодея в комиксах, которые я восторженно разглядывал, но никогда не мог купить.

Он постучал по блокноту карандашом.

— Ну что ж, больше я, пожалуй, ничего не могу сделать. Дайте нам знать, как найдется. Я сохранию свои записи на всякий случай.

— Так вы нам не поможете? — спросил папа.

— Извините... — он опустил глаза на блокнот, — Льюис. Уверен, вы ее найдете. Кроме того, мы мало что можем сделать. Она не так уж давно пропала, а вы не граждане штата Мэн, мигранты. Сами понимаете. — Он помолчал, ожидая, что папа согласится, но тот скрестил на груди руки и молча ждал. — Нас тут в участке всего трое, а пару недель назад была кража со взломом в магазине сельхозтоваров, так что...

Он вернулся к машине и собрался залезть внутрь, но папа ухватил его за воротник. Шляпа свалилась у полицейского с головы, отскочила от дверцы машины и упала папе под ноги.

— Она совсем маленькая, — тихо сказал папа.

Полицейский удержался на ногах и встал между машиной и дверцей, но папа не выпускал воротник из рук.

— Руки лучше убрать. У вас здесь больше людей, чем я мог бы привести. А теперь отпустите.

Папа убрал руки, и полицейский оправил одежду, а потом наклонился за шляпой и постучал ей по дверце машины, стряхивая пыль.

— Если вы действительно так беспокоились о девочке, так, наверное, надо было следить за ней повнимательнее. А теперь отойдите. Я уже сказал, что сохраню записи на случай, если мы что-то услышим. И не забудьте дать знать, когда она найдется. — Он залез на сиденье, не спуская с отца глаз. Папа был высокий и худой, как ива, но в гневе выглядел устрашающе. Полицейская машина сдала назад на прогалину между деревьями, развернулась и покатила по пыльной дороге обратно к Девятке. Папа поднял большой камень и швырнул, разбив габаритный фонарь. Машина на секунду приостановилась, но тут же тронулась снова, и одинокий красный фонарь исчез в сумерках.

— Ты же знаешь, они ни за что не станут нам помогать, Льюис. Ты слишком надеешься на этих людей. — Мама снова села, откинулась на спинку стула и, глядя на звезды, заплакала.

В ту ночь никто не ложился. Меня отправили спать одного, и я лежал рядом с тем местом, где должна была лежать Рути. Сквозь тонкие щели между сосновыми досками, из которых состояли наружные стены, пробивался свет костра. До меня доносились приглушенные голоса взрослых, но я не мог разобрать ни слова. Я покрепче зажмурил глаза, так что вспыхнули звезды. Когда они начали меркнуть, я нарисовал на изнанке век лицо Рути.

Через два дня после исчезновения Рути к нам заехал мистер Эллис. В те дни он не появлялся, но мы не замечали. Он уже знал про Рути. Во всех лагерях вдоль Девятки уже знали. Но увидев ящики для ягод пустыми на

Литературно-художественное издание / Өдөби-көркөм басылым

АМАНДА ПИТЕРС
СБОРЩИКИ ЯГОД

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Янина Забелина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспаға қол койылды 15.12.2025.
Формат издания 60 × 84 1/16. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 18,60. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-AET-37419-81-R